

Вера Чиркова

ПРОКЛЯТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ. БОННА
ПРОКЛЯТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ. МАГИНЯ

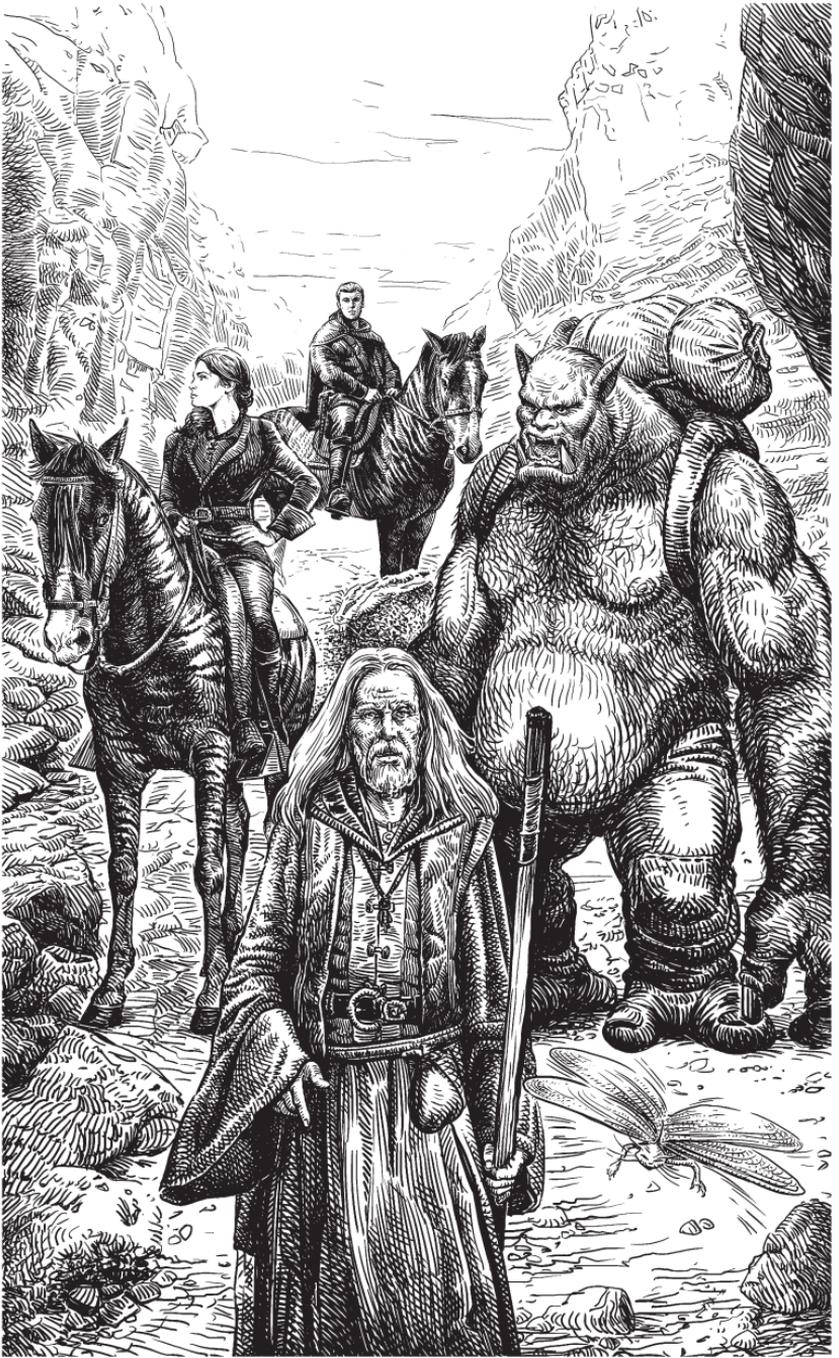
ЗАЛОЖНИЦА. СДЕЛКА

Цикл
«Серпантин»

ВИРАЖИ ЧУЖОГО МИРА
БЕГУЩИЕ ПО МИРАМ
ИНТРИГИ ТЕМНОГО МИРА
ТАЙНЫ ЗАКРЫТОГО МИРА

Цикл
«Магглор»

МАГ ДЛЯ БАСТАРДА
ВОЖАК ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ
ПОДРУГА ДЛЯ МАГА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Вера Чиркова

Заложница. Сделка

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2016
 SARMA
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-64

Серия основана в 2011 году
Выпуск 233

Художник
А. Клепаков

Чиркова В. А.
Ч-64 Заложница. Сделка: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 314 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2304-0

Почему-то так издавна повелось в различных мирах, что расплачиваться за несправедные поступки и грубые ошибки мужчин сполна приходится их женщинам. Матерям, невестам, сестрам.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чиркова В. А., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2304-0

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сердце предательски дрогнуло и зачастило, когда дорогие щегольские сапоги приостановились перед ней и на ковер перед опущенным долу взглядом упала короткая тень, смутно трепещущая в ярком свете сотен свечей.

Их было здесь слишком много, этих дорогих, витых, словно рога легендарного единорога, свечей, как, впрочем, и всего остального. Шкур и ковров на полу, флагов, вымпелов и гобеленов на стенах, дубовых скамей под ними и девушек, сидящих длинным рядком на одной из этих скамей. Еще многовато было лучников на внутренней галерее, да и огромных собак, настороженно наблюдавших за гостями, тоже явно было чересчур. Однако это показное недоверие было вполне заслуженно и справедливо.

— Встань.

Таэль покорно поднялась и замерла, стараясь скрыть под отделанной белым соболем накидкой стиснутые в тугие кулаки руки. Лишь глаз так и не подняла, наоборот, еще ниже наклонила голову, до отказа утопив в мягком меху упрямый подбородок.

— Посмотри на меня, — внешне равнодушно процедил стоящий напротив мужчина, но резко похлопывающее по тонкому хромому сапога кнутовище выдало его нетерпение.

Девушка еще крепче, до боли, стиснула кулаки, сжала губы и медленно подняла голову, до последнего пряча взгляд под густыми ресницами.

— Ну? — повелительно повторил он, и только после этого черные крылья ресниц резко взметнулись вверх, обдав хозяина дома ледяным всплеском презрения и ненависти.

— Вот так, — самодовольно усмехнулся он и едва слышно выдохнул, словно самому себе: — Так ты меня ненавидишь?

Вообще-то она ненавидела их всех, скопом, но говорить ничего и никому не собиралась. Незачем напрасно унижаться, довольно с него и того, что ей приходится, подобно тем собакам, покорно выполнять все команды.

— Кто она? — не своя с Таэль изучающего взгляда, бросил стоящий напротив мужчина кому-то из сопровождавших его воинов.

— Таэльмина дэй Азбенд, младшая сестра графа Зарвеса дэй Азбенда, второго советника герцога дэй Бентрея и племянница его казначея графа Руффита дэй Гобверда, — почтительно склонившись в полупоклоне, немедленно доложил адъютант, державший в руках пачку документов, написанных на листах дорогой бумаги и украшенных кучей гербов и печатями. — Приданое — сорок тысяч полновесных золотых и двадцать сундуков с мехами, украшениями и столовым серебром.

— Вот как, — процедил хозяин дома, задумчиво хлопал по сапогу кнутовищем и веско объявил: — Я сделал выбор. Уведите ее в приготовленные покои.

А затем развернулся и твердо зашагал прочь.

Двое немолодых воинов из личной гвардии герцога тотчас подскочили к Таэльмине с двух сторон и замерли в ожидании. А затем к девушке величаво подплыла экономка и вежливо, но непреклонно предложила следовать

за ней. И первой направилась через весь зал к двери в противоположной стене, ведущей во внутренние помещения дворца, ничуть не сомневаясь, что Таэльмина пойдет за ней. Да и чего ей было сомневаться, если всех девушек перед выбором напоили зельем покорности, и вся челядь герцога отлично это знала.

На мысли и чувства заложниц оно не влияло, а любые проявления непокорности или сопротивления подавляло в зародыше. И хотя Таэль успела достать и незаметно проглотить спрятанное за ухом зернышко противоядия, одно из трех, которые не сумели найти досматривающие невест маркитантки с замашками палачей, показывать сейчас степень своей свободы она вовсе не собиралась.

Она вообще намеревалась отныне жить совершенно по-новому, в одночасье осознав, как ничтожно мало волнуют родных ее чувства, желания, здоровье и даже дальнейшая судьба. И хотя Таэльмина и до смерти отца всегда была для матери и остальной семьи всего лишь хорошо выученной, преданной и покорной тенью наследника графства, но старый граф дэй Азбенд, бывший при жизни первым советником юного герцога Рингольда дэй Бентрея, хотя бы хорошо знал ей цену. Да и как ему было не знать, если он лично следил за тем, как учили старшую из дочерей, и сам доходчиво объяснял ей все, чего Таэль по молодости не могла понять или принять.

Таэльмина невольно вспомнила церемонию напутствия знатных заложниц, проведенную перед их отправкой в чужие земли герцогиней Лигурией, матерью Рингольда. Ее милость лично обходила шеренгу выстроившихся у стены торжественно-холодного тронного зала заплаканных знатных девиц, потрясенных страшным поворотом судьбы, и с патетичной печалью вручала каждой коробочку с так называемым ключом свободы — крохотной, как бисеринка, конфеткой, начиненной особым

рядом. Малюсенькую горошинку рекомендовалось проглотить сразу, но можно было до прибытия во дворец герцога Крисдано спрятать в кошель или прилепить к любому украшению и принять лишь после позорного ритуала, сути это не меняло. Зелье становилось смертельным только после того, как с него спадала наложенная алхимиками Бентрея замысловатая защита.

Хитрость многослойной пилюли заключалась в том, что у каждого ключа был свой срок. Но никак не меньше пятнадцати дней, требующихся девушкам для того, чтобы преодолеть четыре сотни лиг, перевал и переправу, лежащие между Сирангом и Тангром, столицей Крисданского герцогства. И в тот миг, когда старая герцогиня, ободряюще улыбаясь, вручала заложницам свои страшные дары, пятнадцать дней казались большинству растерянных графинь и баронесс почти вечностью, оттого-то многие девицы и нашли место проклятым ключам в собственных желудках. А через полторы декады, подъезжая к Тангру, бедняжки свято надеялись, что давно избавились от всякой опасности естественным путем. Однако Таэль, знавшая гораздо больше всех, вместе взятых, подруг по несчастью о ядах и невероятно редких и дорогих магических ловушках, ничуть не сомневалась в обратном.

Поэтому, шагая мимо оставшихся на скамьях бывших спутниц, девушка старалась не смотреть в их сторону, не желая застать начало жуткого зрелища. Ведь срок первого слоя защиты истекал точно в тот момент, когда из этого зала вышел сопровождавший знатных девиц офицер, передав по списку опоенных зельем подопечных начальнику охраны герцога Хатгерна Крисдано.

И значит, кто-то из бездумно проглотивших жестокий дар заложниц в любой момент мог начать корчиться в муках. В обещанное Лигурией сладкое забвение Таэль-

мина не поверила ни на гран. Слишком это было бы просто и незаметно, а старая герцогиня всегда имела склонность к публичным, показательным поркам и казням.

Неторопливо поднимаясь по ведущей на внутреннюю галерею лестнице, герцог Хатгерн Крисдано искоса поглядывал на покорно бредущую вслед за экономкой избранницу и едко кривил в чуть заметной усмешке твердо очерченные губы. Он прекрасно знал, насколько обманчива ее покорность и кротость опущенных глаз. Не зря последние несколько суток, отложив все остальные дела и развлечения и почти забыв про сон, занимался изучением всех сведений, какие сумели собрать его шпионы на дочерей знатных домов, предложенных герцогу в залог мира.

Вне всяких сомнений, его люди по заслугам получили и тяжелые кошельки, загодя обещанные им за эту работу, и не менее весомую премию за скорость, с которой ее проделали. Ну а Хатгерн обрел еще одно подтверждение исключительности их выучки и опыта, позволившее шпионам отыскать совершенно невероятную информацию. Именно эти сведения заставили его полностью пересмотреть свои прежние планы и сделать свой выбор загодя, еще до того, как восемнадцать измученных долгой дорогой девиц робко вошли в его замок, чтобы стать ла-эйрами, младшими женами самого герцога и его приближенных. А по сути, всего лишь узаконенными наложницами, ведь им не суждено когда-либо обрести статус старших жен, имеющих право на наследников и наследство.

Хатгерн проводил взглядом маленькую процессию, ушедшую в боковую дверь, и вздохнул с легкой досадой, сожалея о невозможности немедленно отправиться вслед за нею. Вначале семнадцать самых надежных его

друзей и приближенных, заслуживших эту награду своей преданностью и самоотверженностью, выберут для себя лаэир, затем будет малый брачный ритуал, потом пир, и лишь поздно вечером герцог сможет приступить к осуществлению самой интересной части своего плана.

Однако непредсказуемая судьба, очень не любившая никаких планов, особенно долгосрочных, решила подправить этот чинный распорядок по своему усмотрению. И первый сигнал от нее герцогу, устроившемуся передохнуть на диване в своем кабинете, принес запыхавшийся от бега адъютант.

— Ваша милость, умирает!

— Наша милость не умирает, — привычно отшутился Хатгерн и, мрачней, осведомился: — Кто?

— Девица... из заложниц!

— Демон, — скрипнул зубами Хатгерн и бросился прочь, еще не догадываясь, что в эту ночь ему не удастся не только выполнить хоть одно из ранее запланированных дел, но и познакомиться поближе с собственной невестой.

Да Харн и вспомнил-то о ней лишь к утру, когда придворный алхимик, с трудом в́ыходивший корчившуюся в жутких муках рыженькую дочку одного из министров герцога Рингольда дэй Бентрея, севшим от усталости голосом посвятил господина в тонкости странного отравления.

— Понапрасну на досматривающих не грешите, ваша милость, не могли они этого яда найти, — хмуро говорил сидевший напротив алхимик, устало свесив с подлокотников руки. — Она его еще дома проглотила, мелкую такую пилюлю. Очень подлый яд, алхимики вместе с колдунами готовят и три или четыре заклятия сверху накручивают. Первое пилюлю в желудке накрепко приклеивает, можно годы с нею ходить. Второе в загодя за-

ложенный срок оболочку убирает, а последнее снимает боль, пока яд по телу не разойдется. Теперь нужно остальных проверить. Сейчас амулет и зелья возьму и пойду, — заявил Бринлос, — хотя противоядием я на всякий случай напоил их всех.

— Демонская сила, — прорычал герцог, только теперь сообразивший, почему рухнули в глубокий обморок сразу пять невест, когда их подругу внезапно начала корезить жестокая боль.

При одном взгляде на бедняжку как уксусом сводило скулы даже у бывалых воинов, а все остальные девицы либо тряслись от страха, либо отчаянно рыдали. Хатгерну поневоле пришлось объявить собравшимся в тронном зале друзьям и родичам женихов, что девушки слишком вымотаны дорогой и им нужно отдохнуть. Лишь самым проверенным и неболтливым он решился шепнуть правду, и с той минуты они добровольно помогали сбивавшимся с ног слугам и помощникам Бринлоса.

— Сначала идем к той, которую выбрал я, — резко отодвинув столик, поднялся с места герцог. — Надеюсь, ей ты тоже давал противоядие?

— К-какой т-той? — побледнев, начал заикаться алхимик. — М-мне н-ничего н-не сказали!

— Демон, — ринулся Хатгерн к двери с такой прытью, какой еще пять минут назад и не подозревал в своем измененном бессонной ночью теле.

Внимательно рассматривать покои, куда привела ее экономка, Таэль не собиралась. Во всяком случае, не сейчас. Никак пока не волновало ее ни количество комнат, ни мебель, ни ковры. Хотя все это тут было, и даже в избытке, как и во всем дворце. Герцог, не стесняясь, украшал свое жилище ценными вещами, отобранными у ве-

роломно напавших и побежденных им врагов или полученными от них же в залог мира.

И ничего ни странного, ни тем более предосудительного графиня в этом не видела, все на его месте поступили бы точно так же. И даже больше — вздумай Хатгерн проявить щепетильность или бессмысленное милосердие, большинство его друзей и недругов тотчас назвало бы герцога по меньшей мере слабохарактерной тряпкой, а он таким отнюдь не был.

— Не желаете искупаться с дороги? Для вас готова горячая вода, — входя следом за лаэйрой в первую комнату, похожую убранством на гостиную, предложила экономка гораздо более вежливым тоном, чем пять минут назад, но Таэль предпочла этого не заметить.

Зато постаралась запомнить, что старуха спесива, но довольно сообразительна, хотя размышляет не слишком быстро. Иначе намного раньше догадалась бы, кто будет ею командовать в ближайшее время, если лаэйра герцога сумеет понравиться своему супругу.

Заложница кивнула и спокойно прошла в открытую перед нею дверь, покосилась на ряд стоящих у стены внушительных шкафов, в каких неверные жены всех прибрежных герцогств обычно успешно прячут любовников, шагнула к огромному и баснословно дорогому зеркалу в позолоченной раме. Решительно сбросила подбитую мехом накидку и принялась раздеваться, лишь изредка поглядывая в драгоценное стекло, чтобы исподтишка наблюдать за служанками.

Осень еще только добавила золота и пурпура деревьям и кустам Крисданской долины, но на перевале по тонким стенкам карет хлестал холодный, смешанный с градом дождь. А пронизывающий ледяной ветер свистел так неистово, что сжавшимся на опасно кренившихся сиденьях заложницам казалось, будто его следующий по-

рыв снесет в пропасть их ненадежное убежище вместе с лошадьми, кучером и ими самими. Ради экономии командир отряда, капитан дэй Дотигс взял вдобавок к груженным приданным повозкам всего пять дорожных карет, и до перевала многие девушки жаловались на духоту и с измученным видом махали веерами. Зато потом сидели, тесно прижавшись друг к дружке на задних сиденьях, закутавшись во все имеющиеся одежды и одеяла. И дальше ехали намного дружнее, забыв про капризы и родословные. Теплые вещички, вынутые из сундуков на перевале, девушки так больше и не снимали, по утрам в выстуженных за ночь каретах было зябко и неприятно.

Похоже, усмехнулась про себя Таэль, только в те три дня до многих из заложниц дошло окончательно, насколько все они отныне равны перед прихотью судьбы. Ну, или герцога Крисдано.

Намек на происходящие в приемном зале события заложница получила, едва успела расстегнуть жакет и присесть на стоящую поблизости кушетку с намерением расшнуровать теплые дорожные ботиночки. Сначала расслышала, как в гостиной хлопнула входная дверь, и несколько секунд слушала, как что-то тихо и взволнованно тараторит незнакомый женский голосок, затем в гардеробную, как Таэль успела назвать для себя это помещение, прибежала экономка.

— Купальня вот здесь, — торопливо сообщила побледневшая и явно чем-то расстроенная старуха, распахивая боковую дверь, — там есть все необходимое. Мне нужно уйти, но я пришлю девчонку помочь вам вымыть волосы.

И поспешно умчалась, не заметив отразившейся в зеркале горькой усмешки избранницы хозяина. В том, что в ближайшее время всем будет вовсе не до ее волос, Таэльмина даже не сомневалась.

Она почти час спокойно сидела в горячей воде, наслаждаясь ощущением уходящей из тела усталости и, казалось, намертво въевшегося в кости холода, затем тщательно промыла каштановые локоны, мысленно поблагодарив покойного отца за настойчивый совет никогда не отращивать их ниже лопаток.

Хотя теперь отлично понимала, что в те времена старый граф дэй Азбенд пекся вовсе не об ее удобстве. Просто совершенно не нужны такие украшения девушкам, готовящимся положить свою жизнь на алтарь служения брату. Само мытье занимает меньше времени, и прическу делать не в пример легче. Достаточно стянуть волосы в узел, прицепить накладные локоны, и можно приступать к незаметной, но нелегкой работе тени. Хотя в этот раз судьба изрядно подшутила над старым Марнингом. Как только Таэль вступила в пору девичества, ее каштановая грива начала после каждого купанья свиваться в крупные завитки, доставшиеся ей в наследство, как вскоре выяснили графские лекари, от бабушки по материнской линии. И поделаться с этим ничего было нельзя, кроме как старательно расчесать после купанья и заплести в тугую косицу.

Вот этим Таэль и занялась, когда вода начала остывать, а желудок напомнил, что обедали заложницы несколько часов назад, не вылезая из карет. И выданный им экономным Дотигсом обед был, вежливо говоря, немного скудноват — подсохший хлеб с не менее сухим сыром.

Дополнив длинную ночную рубаху с высоким воротником и многочисленными оборками еще более длинным халатом, Таэль покинула туалетную комнату, и не подумав убирать за собой разбросанные щетки и полотенца, как поступала обычно. Отныне она заурядная графиня, которая скоро будет герцогиней, только без гордой

приставки «дэй» да без возможности сидеть рядом с герцогом на празднествах и званых обедах, после того как он приведет во дворец старшую жену. И, стало быть, ни заботиться о порядке в доме, ни заниматься бумагами либо чем-то еще, входящим в обязанности старшей жены, с этого дня не должна. Больше это не ее забота.

В гостиной обнаружилось большое блюдо с разнообразными фруктами и графин с лимонадом, в высоком застекленном буфете заложница отыскала бутылки с ликерами и наливками, а также несколько ваз с разнообразными печеньями, орешками и сладостями. Не совсем то, о чем мечтал ее изголодавшийся желудок, но вот его Таэль никогда не слушала и не баловала до сих пор, не собиралась изменять своим привычкам и далее. Не стоит расслабляться, как наглядно показали последние события, судьбе глубоко безразличны людские надежды, и она может в любой момент сделать крутой поворот.

Перекусив печеньем и выпив лимонаду, графиня дэй Азбэнд прихватила вазу со сладостями и от нечего делать прошлась по своему новому жилью, изучая не столько мебель и гобелены, сколько толщину стен, расположение окон и укромных уголков и прочие вещи, которые полезно знать девушке в ее положении. И просто на всякий случай, и ради того тайного плана, о котором она пока старалась не думать. Да и зачем зря ломать голову, все равно никогда не предугадаешь момент, когда судьба решит сделать подарок или бросить подсказку. Зато не собиралась ни на минуту забывать о собственных намерениях и действовать предполагала исходя именно из них.

Последние отсветы отгоревшего осеннего дня померкли за горными вершинами, когда Таэль окончательно убедилась, что старая экономка забыла про нее напроочь. Нетрудно было догадаться, какие заботы и хлопоты

ты заставили старуху позабыть про свою будущую госпожу, и тем более не стоило ее в этом упрекать, решила графиня, устраиваясь в дальнем уголке огромной кровати, стоявшей в задрапированной тяжелыми занавесями нише. Никогда нельзя упускать случая хорошенько отдохнуть, если судьба дарит такую возможность, — это первое правило каждой тени.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тихий шорох открываемой в глубине комнат двери резко прервал чуткий сон заложницы, а стремительно промелькнувшая догадка, что ни экономка, ни тем более сам герцог Крисдано не стали бы красться в ночи к ее постели так по-воровски, заставила девушку в одно мгновение соскользнуть с кровати. Однако удирать тень пока не собиралась; по ее мнению, довольно глупо и наивно бежать невесть куда сломя голову, не выяснив, кому и зачем ты понадобился. А вот немного подготовиться к встрече с таинственным гостем было просто необходимо, и Таэльмина проделала это со сноровкой, какой позавидовал бы самый ловкий мошенник.

Быстро и ловко скрутила край одеяла, создавая подобие скрытой под ним фигуры спящего человека, секунду полюбовалась на свою работу и, довольно усмехнувшись, отступила в уголок у изголовья постели. Аккуратно задвинула плотные занавеси балдахина, предусмотрительно оставив узкую щель для подглядывания, и затаила дыхание, пристально всматриваясь в сторону распахнутой двери в будуар, расположенный между спальней и гостиной.

Трепещущий огонек свечи мелькнул в его глубине и пропал, но не погас, и этот свет постепенно приближал-

ся. По-видимому, загадочный лазутчик не решался идти в спальню напрямик, а осторожно крался вдоль стен. И пока он добирался до двери, тень успела спокойно обдумать возникшие в ее голове предположения и подготовить несколько способов борьбы с ночным гостем. И самых надежных вариантов, как обычно, оказалось всего два.

Первый — и самый банальный — выбрала бы на месте Таэльмины любая другая знатная девица. Просто потихоньку ускользнула бы в туалетную комнату, на двери которой с внутренней стороны тень разглядела довольно крепкий засов. Второй — остаться тут и спрятаться в одном из укромных местечек, которые Таэль успела изучить, был более дерзок и интересен для нее самой.

Игра в прятки была одной из тех игр, в которых тени никогда не проигрывали, особенно если выступали против непосвященных. И заложница с удовольствием сыграла бы с ночным гостем, но отлично помнила святое правило теней: вступая в игру с незнакомцами, предположительно являющимися твоими врагами, семь раз подсчитай, будут ли стоить затраченные усилия полученного результата. И хотя особых усилий от Таэль сейчас не требовалось, она сильно сомневалась именно в последствиях этой схватки.

Разумеется, обученной тени ничего не стоит одолеть не ожидающего подвоха противника, но такая победа непременно дорого обойдется ей самой. Ведь в случае ее выигрыша недруг не только обозлится, но и насторожится. И обязательно начнет подумывать о других, более действенных, а иногда и более подлых способах борьбы с нею.

Хотя... можно сыграть и заранее решившись на проигрыш, но для этого нужно сначала посмотреть на противника. Если гость окажется крепким мужчиной, цена по-

ражения может оказаться для Таэль непомерно высокой. Если он еще захочет ее принять.

Огонек появился в дверном проеме спальни, и графиня презрительно усмехнулась. Незванный гость оказался молодой женщиной, и ходить ночью по чужим спальням эта дама не умела совершенно. Хотя и кралась на цыпочках, но в поднятой на уровень глаз правой руке держала длинную свечу, даже не подозревая, как хорошо видна она сама в этом трепетном свете из полутемного угла, где стояла Таэль.

Видна от макушки, на которой поверх искусно уложенных завитков цвета свежей соломы приколотая длинная пышная вуаль зеленого цвета, пока еще не опущенная на лицо и потому абсолютно ничего не скрывавшая. От искусно подкрашенных голубых глазок и зло стиснутых, густо намазанных розовой помадой губ до носков вышитых ночных туфель, выглядывающих из-под расшитого розами атласного халата. Разумеется, тоже зеленого.

Да ни один опытный дознаватель, доведись ему разбирать этот случай, никогда не поверит, будто можно после полуночи выйти из комнаты якобы за куском пирога или чашкой чая — едко усмехнулась Таэль — и при этом нацепить вуаль, в каких не ходит по собственному дому ни одна знатная девица. И к тому же непременно подобрать ее под цвет халата. Ясно как день, незнакомка готовилась к этому походу загодя, и предмет, который она держала в левой руке, чуть прикрыв полый халата, очень наглядно это доказывал.

Крепкую трость черного дерева с массивным серебряным набалдашником, украшенным крупными агатами, которую гостя, войдя в спальню, ухватила на изготовку за нижнюю, более тонкую часть, просто невозможно прихватить с собой случайно, как веточку сирени. И значит,

можно сказать с точностью в тысячу черных камней, ради чего явилась сюда среди ночи эта девица. И даже каким именно способом она намеревалась донести свои доводы до новой избранницы хозяина. Вбить в нее этим самым набалдашником. Теперь тени и подавно не составляло никакого труда догадаться о сути претензий, приведших в ее спальню неожиданную гостью, — в отношениях с женщинами герцог Хатгерн дэй Крисдано вовсе не славился монашеской скромностью.

Едва сообразив, какая сила принесла в ее спальню эту девицу, тень оказалась перед совершенно иным выбором: позволить мстительнице расправиться с выбранной жертвой и спокойно покинуть место преступления или все же попытаться по-хорошему договориться с нею о совместных действиях? Ведь Таэльмине абсолютно не нужен ни сам герцог, ни привилегии, какие дает статус его лаэйры. Унизительное для признанной тени звание младшей жены герцога и место в его постели она готова уступить этой блондинке за сущую безделицу: собственную безопасность и невмешательство в личные дела. Вот только начинать беседу в подобной ситуации нужно очень осторожно и лишь в том случае, когда целиком и полностью уверен в результатах переговоров. А Таэльмине пока абсолютно ничего не известно об этой фаворитке Хатгерна.

Хотя всего год назад, когда еще был жив ее отец, граф Марнинг дэй Азбенд, первый советник герцога Рингольда дэй Бентрея, Таэль знала наперечет всех друзей, советников и любовниц герцога Крисдано. Шпионы ее отца свой хлеб с маслом ели не зря. Однако после внезапной смерти Марнинга дэй Азбенда его пост первого советника занял граф Люфрен, уступив свое бывшее место второго советника братцу Таэльмины Зарвесу, и поток информации сразу иссяк.

Люфрен был вовсе не из тех людей, которые бесплатно делятся чужими тайнами, а ее бесшабашный старший братец не считал нужным платить за такую ерунду. Он вообще надеялся тогда на победу и все золото и силы отдавал поддержке безрассудных планов Рингольда, мечтавшего захватить Крисданское герцогство и присоединить к своим землям его удобные бухты и плодородные равнины.

Прислушиваться к разумным советам Таэли Зарвес категорически не желал и всячески избегал разговоров на эту тему. Они оба с юным герцогом Бентреем пребывали в тот момент в небывалой эйфории и не сомневались в скорой победе, ведь тогда у них в союзниках еще числился известный интриган герцог Юверсано, сумевший заполучить к себе на службу двух самых сильных алхимиков побережья.

Блондинка тем временем подобралась к кровати вплотную, поставила на столик свечу, торопливо опустила на лицо вуаль и, взявшись за конец трости обеими руками, с силой опустила набалдашник туда, где, по ее мнению, должна быть голова герцогской невесты.

— Ой! — громко простонала Таэль, решив пока не выдавать незнакомке правды и посмотреть, насколько низко готова та упасть в своей неумной жажде мести.

А блондинка замерла всего на несколько мгновений, затем перехватила свое оружие покрепче и обрушила на предполагаемую жертву град безжалостных и яростных ударов, не замечая в полубезумной ярости, как сминается под ними пышное пуховое одеяло.

Графиня стонала все тише и вскоре смолкла, огорченно рассматривая пока незнакомую, но уже люто ненавидевшую ее соперницу, и отчетливо понимая, что на самом деле жизнь не оставила ей ни одного из мирных путей решения этой задачки. Теперь Таэльмина могла даже

не сомневаться — никогда и ни на какой сговор с нею эта совершенно не похожая на служанку холеная красотка не пойдет. Она для себя уже зачислила выбранную герцогом лаэйру в смертельные враги и никогда не отступит от принятого решения. Такие девицы обычно невероятно упорны в своих заблуждениях, и никакие доводы разума на них совершенно не действуют.

Похоже, жизнь во дворце герцога будет для нее вовсе не такой уж беспросветно серой и скучной, как думалось Таэльмине во время долгого пути. Наконец гостя утомилась или успокоилась, опустила свое орудие и замерла, прислушиваясь. И уже через несколько секунд, так и не дождавшись от одеяла ни движения, ни стонов, сочла месть совершенной, небрежно забросила трость под кровать, схватила свечу и опрометью ринулась прочь.

Таэль следовала за нею почти по пятам, больше всего желая узнать, есть ли у убийцы сообщники, и если да, то кто именно. И не важно, если не удастся опознать их сразу, сейчас достаточно хотя бы рассмотреть лица или услышать голоса. Однако злобная блондинка за то время, пока бежала через комнаты герцогской невесты, по видимому, успела полностью успокоиться и продолжала замечать следы. Выскочив в коридор, убийца плотно прикрыла тяжелую входную дверь и злорадно щелкнула наружным засовом, словно опасаясь, как бы ее жертва не сбежала.

— Хитрая, гадина, — разочарованно прошипела графиня, в потемках возвращаясь в спальню.

Зажигать свечи в комнате, где оставила с вечера не задернутыми шторы, она не решилась, памятуя об осторожности. Ведь у ее убийцы вполне могли быть сообщники, и в таком случае они должны были непременно хотя бы издали следить за окнами покоев жертвы, чтобы быть в курсе событий.

Зато в самой спальне неярко тлел огонек ночника, а окна Таэль, памятуя о безопасности, плотно занавесила еще с вечера и потому теперь смогла свободно рассмотреть трость, которую осторожно, носком туфельки, выкатила из-под кровати. А разглядев, окончательно убедилась в своих первоначальных предположениях. Трость действительно оказалась очень непростой, по ней вились тайные алхимические знаки, свидетельствовавшие о ремесле ее хозяина, а оправка некоторых камней блестела чуть ярче, видимо, пальцы алхимика касалась их чаще остальных.

— Значит, этот мужчина ей чем-то насолил, — сделала нехитрый вывод несостоявшаяся жертва, снова отправляя трость под кровать, — и фаворитка Хатгерна решила одним махом убрать со своей дороги сразу двоих. Странно, на вид она вовсе не выглядит такой уж прожженной интриганкой.

Следовательно, Таэльмина поступила очень верно, ничем себя не выдав, и понимание этого ее порадовало. Как и представившаяся возможность тщательно обдумать способы, какими можно обратить себе на пользу неожиданно попавшие ей в руки сведения.

Второй раз скрип ключа в замке разбудил Таэль на рассвете, и девушка несколько секунд прислушивалась к твердому торопливому перестуку каблуков и коротким, отрывистым приказам, а узнав голос герцога, снова опустила голову на подушку, не забыв сдернуть шнурок, стягивающий кончик недлинной косы. Крупные тугие локоны тотчас легли пышной шапкой вокруг лица девушки, позволяя ей спокойно подглядывать за неожиданными гостями, слегка смежив ресницы.

— Потрогай ее руку, — остановившись у кровати, приказал спутнику герцог, и невеста, внимательно следившая за его приближением, немедленно распахнула глаза.

А затем подтянула одеяло к подбородку и с преувеличенным испугом нахмурилась.

— Что здесь происходит?

— С нею все в порядке, — поспешил просветить господина алхимик.

— Вижу. Налей ей противоядие, пусть выпьет.

— Не буду, — упрямо отодвинулась Таэль, точно знавшая, насколько нетерпим ее желудок к различным зельям и снадобьям.

И это было не врожденной слабостью, а результатом длительного и упорного труда Свенгира, личного алхимика графа Марнинга дэй Азбенда.

— Почему? — В глазах герцога плеснулось раздражение, а его губы недовольно поджались.

— Мне это не нужно. — Графиня вовсе не собиралась хранить верность семье герцога Бентрея, продавшей ее в оплату за собственные грехи и ошибки. — Я не глотала ключ к свободе.

— А, так вот, оказывается, как это называется, — едко ухмыльнулся Хатгерн, шагнул к стоявшему у окна креслу и рухнул в него с видом неимоверно усталого человека. — И кто же выдавал заложницам мирного договора эти ключи?

— Герцогиня Лигурия, — так же спокойно пояснила его невеста.

— А почему вам не дала?

— Да с чего вы взяли, будто не дала? — позволила себе скопировать его усмешку Таэль. — Ключи подарили всем без исключения.

— Но вы свой, разумеется, выбросили? — хитровато прищурился герцог, и Таэльмина насмешливо наморщила носик.

— Ну и зачем бы мне было выбрасывать такую ценную вещицу?

— Но ведь ее не нашли у вас при проверке? — решил вступить в разговор бдительно разглядывавший будущую госпожу алхимик. — Интересно, где же в таком случае она находится?

— Там же, где я ее и положила, — кротко ответила графиня и мило ему улыбнулась, лихорадочно решая про себя волнующий ее вопрос: при каких обстоятельствах трость немолодого, худого и некрасивого мужчины могла оказаться у ночной гостьи?

Или его внешняя невзрачность не имеет никакого значения для ловких придворных дам, охотящихся за редкими зельями и ядами, которые, как всем известно, во дворце, да и во всем Тангре можно добыть только у него одного?

— Где? — коротко процедил Хатгерн и раздраженно пояснил: — Где это секретное место?

— В моей шкатулке с духами и солями.

— Бринлос! Найди ее шкатулку с солями!

— Так вон же она, — с притворным изумлением указала на столик Таэль, с удовольствием наблюдая, с каким рвением Бринлос сцапал ее вещицу.

— Где именно? — Вставший с кресла герцог смотрел через плечо алхимика в продолговатый серебряный ларец, плотно уставленный флаконами, баночками и склянками.

— В маленьком фиале с надписью «не снотворное», — уверенно сообщила Таэль, ничуть не волнуясь за судьбу ключа, да и всего содержимого шкатулки.

Сама она все равно глотать подаренную герцогиней гадость не собиралась, а все самые ценные и тайные зелья еще ночью успела надежно перепрятать в самых укромных уголках своих шикарных покоев.

— А почему «не снотворное»? — достав крошечный пузырек с притертой пробкой и не спеша его открывать, подозрительно осведомился алхимик.

— Так ведь это фиал из-под усыпляющих пилюль, — просто пояснила Таэль, — и на нем было написано «снотворное». А я просто добавила «не», чтобы никто случайно не проглотил.

— Как я все больше убеждаюсь, — с преувеличенной уважительностью сообщил Хатгерн, — Провидение помогло мне сделать очень правильный выбор. Вы необычайно благоразумны, моя дорогая. Жаль, я не могу предложить вам совместный завтрак, срочные дела. Зато могу вас успокоить, обедать мы будем вместе, сразу после ритуала.

Полюбовался милой улыбкой, с какой выслушала его сообщение графиня дэй Азбенд, развернулся и уверенно зашагал прочь.

Расслышав в голосе жениха тонкую насмешку, Таэльмина лишь скептически поджала губы, а провожая взглядом статную, подтянутую фигуру герцога и едва поспевающего за ним алхимика, раздумывала вовсе не о завуалированной колкости жениха. Правильно она поступила или нет, ни полусловом не обмолвившись о ночном происшествии, — вот какой вопрос волновал девушку сильнее всего. И ответ на ее сомнения могло дать лишь время... и дальнейшие события.

Экономка, с таким же осунувшимся и посеревшим от бессонной ночи лицом, как и у алхимика, примчалась в комнаты Таэльмины через четверть часа, за ней бежала запыхавшаяся служанка с подносом в руках. На нем был наскоро собран завтрак из тех кушаний, которые всегда имеет под рукой каждая опытная кухарка или повар. Тонко нарезанное холодное мясо нескольких сортов, сыр, паштеты и малосольная рыба. А также обжаренные ломтики хлеба и вчерашние пирожные. Ну и, разумеется,

чайничек с горячим свежесваренным черным чаем, сливочник со сливками и масленка с маслом.

— Простите, госпожа Таэльмина, — удрученно пробормотала уже выяснившая имя будущей лаэйры старуха, когда накрывшая стол служанка выскользнула за дверь, — вам вчера вечером не принесли ужин.

— Я не в обиде, как пояснил его милость, вчера всем пришлось нелегко, — ангельским голоском произнесла Таэль, продолжая спокойно одеваться. К моменту появления в покоях слуг девушка успела накинуть и застегнуть нижнее платье и теперь выбирала, какое блио надеть поверх. — А мне хватило фруктов и печеня.

И вовсе не важно, что герцог ничего такого ей не объяснял, экономка все равно никогда не пойдет спрашивать об этом у хозяина. Зато не будет ждать от новой хозяйки неприятностей, а это хорошее начало для развития доверительных отношений.

— Кстати, — выходя в столовую, небрежно обронила графиня, — возле кровати валялась чья-то трость, я чуть не споткнулась. Мне кажется, ее оставил алхимик... хотя я могу и ошибаться.

Последние слова она договаривала, глядя в спину ринувшейся в спальню старухи, и, убедившись в верности своих выводов, довольно подмигнула своему отражению в полированном боку высокого серебряного чайника. Враги явно будут озадачены, и если они умны, то на время затаятся и Таэль успеет проверить сведения, за которые ее отец заплатил уйму денег. Ну а если они узколобы, то очень скоро предпримут новую попытку ее убить, и в этот раз заложница не станет наблюдать молча.

— Точно, — расстроено произнесла экономка, вернувшаяся в комнату с тростью в руках, — это любимая палка господина Бринлоса, он сегодня обязательно начнет ее искать. Разрешите, я вас оставлю, отнесу ему

трость. Второй завтрак будет через три часа, а потом придут служанки и помогут вам надеть платье и сделать прическу.

— Спасибо, — так же кротко ответила Таэльмина, не поднимая глаз от тарелки, чтобы не пришлось изображать горе или радость.

Впрочем, устремившаяся к дверям экономка этого и не ожидала. Она была далеко не глупа и отлично знала, какие чувства могут испытывать девушки проигравшей войну страны, которых отдают в лаэиры победителям. А кроме того, женщине хотелось как можно быстрее вернуть крайне подозрительному алхимику его драгоценное имущество.

Как Таэль и думала, главной задачей служанок в одинаковых лиловых платьях и фартуках на тон светлее, явившихся в покои сразу после второго завтрака, была вовсе не помощь ей в одевании, а проверка, не спрятано ли в привезенном из родного дома свадебном платье каких-нибудь сюрпризов. Девушки прощупали каждый шов, застегивая на невесте нижнее платье из бирюзового шелка и верхнее блио из серебряной парчи. Завершала наряд полупрозрачная накидка из шифона небесного цвета, закрепленная на голове изящным серебряным гребнем. Никаких украшений из золота и драгоценных камней, кроме тонкого ажурного родового браслета, да спрятанного на груди именного амулета, невестам, проходящим малый брачный ритуал, не полагалось по старинному закону.

И впоследствии младшим женам тем же самым законом было настрого запрещено получать в подарок или наследство, покупать самим и носить любые драгоценности. По правилам герцогств, все украшения из золота и драгоценных камней, какими знатные мужчины одари-

вали жен, впоследствии становились фамильными и переходили по наследству лишь детям. Но лаэйрам, во избежание грядущих недоразумений, скандалов и интриг, иметь детей настрого воспрещалось, и за этим бдительно следили придворные алхимики.

Потому и не положено было младшим женам драгоценностей, после смерти с ними могли возникнуть неразрешимые трудности. Назвать их фамильными и хранить в сокровищнице не пожелал бы ни один наследник, а продавать или дарить вещи, которые покупал отец, считалось дурным тоном. Вот и не носили младшие жены ничего, кроме недорогих бронзовых и медных украшений с полудрагоценными камнями или вовсе без них.

Дети в этом вопросе волновали Таэльмину меньше всего, теньям они тоже не полагались. И о соблюдении графиней дэй Азбенд этого правила уже несколько лет пеклись алхимики тайной гильдии. Ну а семьи и любовные отношения девушки, имеющие это редкое и тайное ремесло, вообще заводили лишь ради дела или в силу особых обстоятельств. До сих пор юной графине не было нужды вплотную знакомиться с этой стороной человеческих взаимоотношений, и тем не менее девушка была неплохо осведомлена о происходящем в супружеской спальне, ведь тень обязана разбираться в любой области человеческих отношений. Иногда даже незначительная ошибка защитницы может стоить здоровья или жизни ее подопечному.

Невеста крепче сжала губы, стремясь скрыть горькую усмешку: характер Зарвеса оказался намного безрассуднее и легкомысленнее, чем полагал их покойный отец. Ее братец отлично знал ценность хорошо обученной тени и не мог не помнить упорно повторяемые инструкции отца, наказывавшего беречь Таэль как самого себя. И тем не менее отринул их как мусор, при первом же удобном

случае избавившись от сестры, пытавшейся, как он считал, его поучать.

Наставник Бенфрах, несколько последних лет учивший девушку некоторым приемам боя без оружия и навыкам следопыта, и графский алхимик Свенгир были потрясены решением Зарвеса и даже пытались уговорить его отправить сюда восемнадцатилетнюю Корвелину, самую младшую из графских детей. Но граф дэй Азбэнд, расстроенный поражением в казавшейся ему такой выгодной войне и особенно размером приданого, вытребованного советниками герцога Крисдано в придачу к его сестре, грубо наорал на преданных слуг и пригрозил выставить прочь из замка в чем были.

— Волосы коротковаты, — с сомнением пробормотала одна из служанок, приступая к сооружению прически, и Таэль молча отобрала у нее расческу.

— Они сильно вьются, — сухо пояснила графиня, ничуть не сомневаясь, что эти слова ей придется повторить еще не раз, — и потому длиннее отпускать нельзя. Будет невозможно расчесать.

И тотчас наглядно показала преимущество своих локонов, без щипцов и кучи шпилек всего за минуту соорудив высокую изящную прическу. Пусть привыкают к тому, что по утрам и перед торжественными случаями лэйра вполне может обойтись и без них. Чем меньше служанок будет возле нее вертеться, тем скорее Таэль сможет провернуть свою задумку.

— Невеста готова? — раздался в гостиной вопрос, заданный уже знакомым, обманчиво мягким голосом, в котором сквозили стальные нотки, и сразу примолкшие и оробевшие служанки принялись с суетливой поспешностью одергивать и поправлять складки блио и накидки.

— Готова, ваша милость, — пискнула старшая из служанок, недавно объявившая Таэльмине, что назначена ее камеристкой.

Заложница не стала ждать, пока слишком рьяные помощницы нанесут непоправимый урон ее наряду, спокойно встала со стула и направилась навстречу человеку, доставшемуся ей в женихи по воле судьбы. А если точнее, из-за непроходимого упрямства и глупости брата.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Доброе утро еще раз, дорогая, — окинув невесту быстрым пронизательным взглядом, любезно произнес герцог, — вы прекрасно выглядите.

Таэль расслышала в его голосе и почти незаметную насмешку, на которую заранее решила не обращать внимания, и неожиданную бодрость, какая могла быть лишь следствием зелий, выданных хозяину алхимиком. Она отлично помнила, что Хатгерн дэй Крисдано по утрам всегда ведет себя намного добродушнее и снисходительнее обращается с друзьями и подданными, если ему удастся выпастись всласть. Во всяком случае, был таким год назад, когда Таэль еще имела возможность изучать отчеты отцовских осведомителей.

И вряд ли характер тридцатилетнего мужчины сильно изменился за этот год, поэтому благоразумнее всего будет вести себя с ним сегодня с покорной молчаливостью.

— Спасибо, ваша милость, — не поднимая на него взгляда, кротко произнесла Таэльмина и положила руку на подставленный ей локоть.

Хатгерн улыбнулся еще любезнее, скорее не невесте, а удовлетворяя любопытство служанок, заинтересованно

раскрывших глаза и рты, и повел девушку в дворцовую молельню, где сегодня должен состояться брачный ритуал для семнадцати пар. Восемнадцатому жениху, капитану Бедьеру, придется подождать еще пару дней, пока его невеста оправится от «отравления несвежим мясом».

Шагая под руку с невестой по коридорам и залам, герцог, не стесняясь, рассматривал сквозь вуаль ее невозможное личико, изучал лежащую на белоснежном рукаве тонкую кисть и ладную фигурку среднего роста. И постепенно в его уставшем мозгу начинали просыпаться и с каждым шагом расти сомнения в верности придуманного им плана, еще вчера казавшегося таким идеальным. А вместе с ними росло и тайное сожаление, что ничего изменить уже нельзя, все остальные женихи вполне довольны собственным выбором и с нетерпением ожидают возможности увести или увезти младших жен в свои дома и комнаты. Да и девушки, как донесли ему преданные слуги, разглядев будущих супругов, больше не особо жалели об изъятах у них ключах счастья.

И его собственная невеста тоже не смотрела сегодня на Хатгерна с той ненавистью, какой облила его вчера, но это вовсе не радовало герцога, скорее, наоборот, настораживало. Если верны секретные сведения, добытые его шпионами, и Хатгерн ведет сейчас к молельне не обычную графскую дочку, а хорошо выученную тень, то ее поведение говорит лишь об одном. У Таэльмины тоже есть свой собственный план, и можно не сомневаться в его точности и продуманности. У дочери хитрого и ловкого Марнинга дэй Азбенда, покойного первого советника юного герцога Рингольда дэй Бентрея, было для его обдумывания почти две декады с момента оглашения списка знатных девиц, выдаваемых в качестве залога, или просто контрибуции, герцогу Крисданскому.

— Одну минутку, — проходя мимо собственного кабинета, решил на проверку своих сомнений Хатгерн и резко распахнул перед невестой дверь. — Проходите, графиня. Я хочу задать вам один вопрос.

— Я вас слушаю, — тем же до противного спокойным и кротким голоском сообщила невеста, по-прежнему глядя в пол.

Очень хороший, между прочим, паркет, из выложенных замысловатым узором крошечных кубиков драгоценной древесины мраморного дерева. И все, что удавалось, не поднимая глаз, рассмотреть Таэльмине в этой комнате, тоже было очень добротным и дорогим, словно герцог задался целью подавить своим богатством каждого, кто попадает в его кабинет.

— Когда я с вами разговариваю, дорогая, будьте любезны смотреть мне в глаза.

— Хорошо, — послушно кивнула графиня, и ее серые глаза немедленно устали на него с глуповатой покорностью. И лишь на миг в недостижимой глубине этих сумрачных глаз мелькнула искорка живой насмешки, однако тотчас же молниеносно исчезла.

— Я знаю, Таэльмина, — спрятав раздражение, ровно произнес герцог, — какому ремеслу вас учили.

Девушка продолжала молча смотреть на него с той же собачьей преданностью, но Хатгерна это обмануть не могло. В этот миг герцог размышлял лишь об одном: как много можно сказать ей прямо сейчас? Ведь все, кто хоть что-то знал о тенях и их обучении, настойчиво предостерегали герцога от двух вещей. От пренебрежительного к ним отношения и от попытки обмануть. В тот момент герцогу казались весьма преувеличенными все страхи советчиков, ну какая опасность может исходить от юной девушки? Даже если ее и научили бросать ножи или подслушивать чужие разговоры. Однако теперь дэй Крисда-

но все яснее понимал, что зря он недооценивал эти советы. И в надежде, что еще не опоздал, собирался немедленно попытаться исправить совершенную вчера невольную ошибку, когда вынужден был заниматься спасением чужих невест вместо того, чтобы поговорить со своей.

— Более того, благодаря ему я и выбрал именно вас. И поэтому не собираюсь ни к чему принуждать и, как вы можете догадаться, ночевать в ваших покоях тоже не намерен.

— Чего вы хотите взамен? — мигом перестала представляться дурочкой Таэльмина.

— Службы. Той, от которой так неразумно отказался ваш младший брат. Но, разумеется, вам придется дать мне клятву на крови и отречься от всех прежних присяг.

— Я от них уже отступилась, — холодно произнесла Таэль, и в ее глазах взмахом стального лезвия мелькнула вчерашняя ненависть, — но в вашем предложении меня интересуют два пункта: сколько я должна буду на вас работать и на какую награду могу рассчитывать?

— Вот теперь я верю, что передо мною тень. — Опытный слух графини наряду с удовлетворением расслышал в по-прежнему чуть насмешливом голосе герцога толику презрения, заставившую девушку спрятать подальше едкую усмешку.

Все знатные мужи, стоящие во главе герцогств, графств и баронств точно так же высокомерно относятся к теням женского пола. Если удастся узнать об их существовании, разумеется. Словно по сговору считая, будто у мужчин слух, вкус и обоняние непременно должны быть намного тоньше женского, а способность заранее разгадать грозящую хозяину опасность значительно выше. И даже не догадываются, как сильно отличаются их представления от действительности. Зато всегда стара-

ются за одинаковую работу дать женщинам в несколько раз меньше золота и привилегий.

— Если вы не против, — помолчав, миролюбиво предложил герцог, — обо всем этом мы спокойно договоримся вечером. Сейчас нас ждут. Но я даю слово обязательно обдумать все ваши пожелания и надеюсь, ни одного неразрешимого вопроса у нас не возникнет.

Таэль только молча кивнула; не в том она положении, чтобы отказываться или спорить. Он и так сделал ей баснословно щедрое предложение, хотя мог бы попытаться просто привязать ее к себе тем банальным способом, который большинство самовлюбленных мужчин считает наивернейшим в отношении женщин и наиболее удобным и приятным для себя.

Даже не догадываясь, насколько сильно ошибся бы в этот раз. Наставники теней загодя позаботились о надежном способе отвратить юную графиню от любых нежных чувств и всего прочего, что обязательно ведет всех девушек в невидимые оковы любовного плена. И тем самым сводит на нет их упорный многолетний труд по воспитанию настоящей тени.

Просторный зал перед входом в молельню пестрел празднично разодетыми подданными Хатгерна, и легкие вуали заложниц, вплавленные в эту толпу светлыми пятнами, казались крыльями случайно залетевших сюда беспечных птиц. Да они и были птицами, огорченно вздохнула Таэльмина, домашними доверчивыми канарейками и горлинками, вырванными из привычного и безопасного родного мирка безжалостным ветром глупой войны и им же заброшенные на чужбину, прямиком в позолоченные, но от этого не менее крепкие и ненавистные клетки.

Избежать которых до сих пор можно было лишь с помощью ключей, подаренных «доброй» герцогиней Лигурией. Еще один способ, не такой скорый и жуткий, хотя более медленный и кропотливый, знала лишь бывшая тень графа Зарвеса дэй Азбенда. И совершенно новый придумал для Таэль ее будущий супруг, несомненно заслужив за это ее особую признательность. Если, разумеется, графине покажутся достойными условия их сделки.

Впрочем, тень заранее была готова согласиться довольно на многое, вот только выполнять свои обязанности намеревалась в полном соответствии с предложенной наградой.

Разговоры, смешки и прочий шум стихали по мере того, как герцог подводил свою избранницу к широко распахнутым дверям личной молельни. В небольшой комнате горело несколько десятков высоких восковых свечей, множащих золотые блики на рамах старинных портретов, изображавших предков Хатгерна, знаменитых полководцев и полузабытых святых, пришедших в прибрежные герцогства из седой старины, когда мир еще был необъятен и наполнен различными чудесными и загадочными сказочными существами, живущими с людьми бок о бок.

Облаченный в праздничное одеяние жрец важно вышел навстречу толпе знатных женихов и невест, а за ним парнишки-служки вынесли на больших подносах семнадцать перевитых цветами серебряных цепей. Первой, самой нарядной и изящной цепью жрец проворно примотал к руке Хатгерна запястье его покорной невесты, а вслед за ними соединил подобным образом и все остальные пары.

— Если сейчас чем-нибудь отвлечь охрану, — еле слышно пробормотала Таэль, словно про себя, — то лучшего момента для нападения трудно и придумать.